

БОЖЕСТВА ВЕРХНЕГО МИРА В МИФОЛОГИИ БАШКИР

Первые сведения о представлениях башкир, связанных с их Божествами, нашли отражение в записках Ибн-Фадлана, секретаря посольства арабов к волжским булгарам. Ибн-Фадлан, встретившийся с башкирами в начале X в., пишет: «Кое-кто из них говорит будто бы у него двенадцать господов: у *зимы* господь, у *лета* господь, у *дождя* господь, у *ветра* господь, у *деревьев* господь, у *людей* господь, у *лошадей* господь, у *воды* господь, у *ночи* господь, у *дня* господь, у *смерти* господь, у *земли* господь» [1]. Кроме двенадцати божеств, Ибн-Фадлан зафиксировал и тринадцатое божество, о котором он пишет так «а господь, который на небе, самый большой из них. Однако он объединяется с теми в согласии, и каждый из них одобряет то, что делает его сотоварищ» [2]. Исходя из изложенного текста, можно сделать вывод о том, что в верованиях башкир начала X в. было представлено тринадцать божеств, из которых Божество неба было главным.

Аналогичные представления о Божествах башкир нашли отражение и в произведениях башкирского фольклора. Так, например в мифологических эпосах «Урал-батыр», «Акбузат», «Заятуляк» и «Хыухылыу» и др. зафиксированы Божества Самрау, его жены Кояш 'солнце' и Ай' луна', дочери Хумай и Айхылыу, Шульган и Смерть, Земля-Вода и др.

Судя по тексту эпоса «Урал-батыр», Верховным божеством и Божеством неба и птиц у древних предков башкир являлся Самрау. О нем его старшая дочь Хумай говорит следующие слова:

Мой отец — повелитель птиц -
 Всюду пару искал себе,
 Но не было такой на земле.
 Чтобы равную отыскать,
 Кинулся отец к небесам,
 Встретил Солнце с Луною там,
 Всей душою их полюбил.
 Родилось у него двое детей.
 Ни я с сестрой сводной своей,
 Ни отец наш болезней не знали,
 Смерти власть мы не признавали.
 Отец мой и поныне властвует там [3].

Судя по данному отрывку, Самрау является не только царем птиц, он — является повелителем всех трех миров, т. е. верхнего, где он является Божеством неба и живет со своими женами Солнцем и Луной, среднего, где он является повелителем птиц, и нижнего, куда он отправил всех темных сил, дивов и змей. Поэтому его дочь — солнечная дева и девушка-лебедь Хумай с гордостью говорит: «Мой отец под землю даже меня отыщет и вас накажет, дочь я царя, чье имя Самрау» [4].

Как уже говорилось выше, судя по кубаиру-эпосу, у Верховного Божества башкир Самрау есть жены: Божества Кояш 'солнце' и Ай 'луна', дочери Хумай и Айхылыу, которые могут принять любой облик, как и сам Самрау. Самрау, как и все его семейство, бессмертен. Он представлен как добрый и справедливый повелитель. Об этом свидетельствуют слова Урала, сказанные Шульгену на его предложение о нападении на страну Самрауа. Ср.;

Знай, Шульген: они никогда
 Людям не причиняли вреда,
 Кровь ничью они не проливали,
 Других врагами не считали [5].

Название Божества Самрау в фольклористической литературе обычно связывается с наименованием мифической птицы Сэмре 'Самри', Сэмрегош 'Самригуш', в основном зафиксированной в башкирских народных сказках. Так, например, в сказках «Айыугулак», «Камыр-батыр и баба-яга» Самригуш является огромной птицей, живущей на вершине самого высокого в мире дерева и имеющей птенцов, которых каждый год съедает Аждаха или громадный змей. По сюжету сказок, батыры в результате предательства друзей оказываются под землей. В поисках дороги на землю батыры обеих сказок оказываются у громадного дерева, на вершине которого они замечают гнездо и детей Самригуша, на которых нападает Аждаха (змей). Батырам как первой, так и второй сказки удается убить Аждаху (змея) и тем самым спасти детей Самригуша. За это могучая птица поднимает обоих героев на землю. В сказках показаны и исцеляющие способности птицы Самригуш. Судя по сюжетам сказок «Айыугулак», «Камыр-батыр и баба-яга», раны батыров птица Самригуш исцеляет взмахом крыла или слизыванием раны языком [6].

Интересная деталь зафиксирована в башкирской сказке «Самригуш и мудрец». Во-первых, в сказке говорится о том, что Самригуш является царем птиц. Во-вторых, Самригуш, выкраденной им еще в детстве царевной, названа «минең эсәйем» 'моя мама', т. е. представлена женским персонажем. В-третьих, судя по данной сказке, Самригуш от обиды навсегда улетает за гору Кафтау, т. е. в Иные миры [7]. Изложенные факты позволяют говорить о том, что мифический персонаж эпосов Самрау и Самригуш башкирских сказок близки не только по названиям, но и функциям, характеристикам. Как и в кубаире-эпосе «Урал-батыр» персонаж сказок Самригуш является царем птиц, властителем трех миров, имеет детей, живет на вершине громадного дерева, т. е. на небесах, помогает и покровительствует земным батырам. Изложенные факты дополняют данные кубаира-эпоса «Урал-батыр» и свидетельствуют в пользу божественного происхождения Самрауа.

Интересно отметить, что мифическая птица Самурык/Самрук, подобная башкирскому Самрау, зафиксирована в казахской мифологии. По легендам и сказкам казахов, птица, Самурык/Самрук

живет на вершине мирового дерева-Байтерек. Как известно, мировое дерево в мифологии тюрков является осью мира, оно связывает, верхний (небеса), средний (мир людей) и нижний (подземный) миры. В казахских сказках и легендах герой также попадает в подземный мир, откуда ему помогает выбраться громадная птица Самурык/Самрук в благодарность за то, что он спас ее птенцов от дракона Айдахара или Айдархана [8].

Изложенные факты говорят о том, что как названия, так и содержание фольклорных произведений о Самрауе, Самригуше, Самруке у башкир и казахов, очень близки и, возможно, восходят к одному источнику. Следует отметить, что мифологические представления, связанные с царем птиц типа Самрау, Самрук, Самригуш, кроме башкир и казахов, зафиксированы в народной культуре казанских и сибирских татар, народов Средней Азии, ряда иранских и славянских этносов. В мифологии указанных народов царь-птица выступает птицей счастья, судьбы, справедливости. Она является покровителем рода, народа, отдельных семей. В ряде мифологий отмечаются исцеляющие от раны, недугов функции царя птиц. В мифологиях указанных выше народов птица Симург, Самрау, Самрук, Самригуш, Семаргл выступает и как божество, Божество птиц, Божество неба, Божество судьбы [9]. Интересно отметить, и то, что указанные народы божественную птицу почитают, ему поклоняются, во многих странах мира, как и башкиры [10]. Изложенные факты свидетельствуют о том, что нашедшее отражение в кубаире-эпосе башкир «Урал-батыр» Верховное божество, Божество неба и птиц Самрау, имеет глубокие корни в башкирской мифологии. Представления, связанные с этим божеством, не ограничиваются только тюркским миром, они охватывают иранский, частично индоиранский миры. Участие образа Верховного Божества, Божества неба и птиц в качестве бренда и тренда в современном Башкортостане еще раз доказывает глубину проникновения этого образа в башкирскую народную культуру.

В то же время следует отметить, что на определенном этапе развития башкирской мифологии, видимо, произошло слияние образов Верховного Божества, Божества неба башкир Самрауа и древнетюркского Верховного Божества и Божества неба Тенгри, т. к. уже в эпосе «Урал-батыр» о демиурге и создатели Уральских гор Урал-батыре, есть строки такого характера:

Атаң безгә Тәңреләй
Ярзам итте, балакай...
Отец твой — как Тенгри-бог для нас,
Всех от страшной участи спас... [11]

Следует отметить, что в других произведениях башкирского фольклора нет упоминания имени Божества Самрауа, как Верховного Божества. В них в основном в качестве Божества неба и Верховного Божества упоминаются теонимы Тәңре 'Тенгри', Хозай, 'Худай', Аллах 'Алла', которые, по-видимому, проникли в мифологию башкир в более позднее время. Несмотря на близость башкирской мифологии к мифологии тюрков Сибири, в верхнем мире башкир Божества по имени Ульген не зафиксировано.

Интересно отметить, что в некоторых башкирских сказках в благодарность за спасение своих птенцов от Аждахи батыра на землю поднимает огромная черная птица Карагош 'Каракуш', а не Самригуш. Таким образом функционально птицы Самригуш и Карагуш оказываются близки. Следует отметить, что гигантская мифическая птица Карагуш, Каракус, Алып-Каракус зафиксирована в мифологии казахов, киргизов, татар, азербайджанцев, алтайцев и др. тюркских этносов [12]. Исходя из изложенного можно предположить о наличии нескольких пластов в мифологии башкир, связанной с царь-птицей, Божеством неба и птиц-Самрау. Если персонаж и его названия Самрау, Самригуш связаны с иранской, то Карагуш (от тюркского каракуш 'орел, беркут, большой подорлик', досл. черная птица) в башкирской мифологии имеет общетюркские истоки.

В кубаире-эпосе «Урал-батыр», кроме Верховного Божества и Божества неба и птиц Самрау, представлены небесные Божества Кояш 'солнце' и Ай 'луна'.

Судя по тексту кубаира-эпоса, божество Кояш 'солнце' является одним из главных божеств. Об этом свидетельствует то, что оно является женой главного Божества Самрау и матерью богини Хумай. Божество солнца Кояш своей дочери Хумай дарит небесного коня Акбузата, который в некоторой степени определяет судьбу солнечной девы, является ее покровителем.

Представления башкир, связанные с Божеством солнца, с олицетворением солнца, находят отражение и в других фольклорных произведениях башкир. Так, например, во многих районах Башкортостана сохранились легенды о том, что солнце является красивой девушкой, вышедшей со дна моря. В частности, об этом говорится в легенде, записанной в 2006 г. в Бураевском районе Башкортостана фольклористами Института истории, языка и литературы УНЦ РАН. Ср.: Кояш диңгеззән сытқан матур кыз. Кояш күк тәңреһе. Тәңреләрзең иң зурыһы, - тейзәр. Иң яҡшы теләк әйтәләр аңа карап [13]. - Солнце — вышедшая из моря красавица. Говорят, что Солнце является Божеством неба, что оно, является главным божеством на небе. С самыми лучшими пожеланиями обращаются к нему. Интересно отметить, что аналогичную легенду о солнце в XIX в. записал у башкир русский исследователь М.В. Лоссиевский. Ср.: Кояш — русалка, вышедшая со дна моря. Ее русые в несколько обхватов волосы лежат на поверхности воды. Она руками достает с неба звезды и прикалывает к волосам [14].

О божественном происхождении солнца свидетельствует и языковой материал. В частности, с олицетворением солнца связаны фразеологизмы *кояш ашау* 'выгореть' на солнце', досл. съедание солнцем (цвета чего-нибудь); *кояш тотолоу* 'солнечное затмение,' досл. похищение, хватание солнца; *кояш апай* 'обращение к солнцу в детской закличке', досл. сестра (тетя/солнце и др [15]. Следует также добавить, что и с синонимом слова *кояш* — *көн* в башкирском языке представлено множество аналогичных фразеологизмов. Ср.: *көн бите* 'солнцепек', досл. лик, лицо солнца; *көн колагы* 'ореол солнца', досл. уши солнца; *көн үтеү* 'получить солнечный удар', досл. проникновение солнца и др.

Об олицетворении солнца свидетельствуют и диалектные названия запада и востока у башкир. Ср.: *көнпатыш* (карид.) 'запад', досл. место, куда тонет солнце; *көнинеш* (средн.) 'запад', досл. место, куда солнце ежедневно заходит; *көнжунуш* (арг) 'запад', досл. место, где солнце спит; *көнтюуыш* (ай, миас) 'восток', досл. место, где рождается солнце и др.

В башкирской народной культуре сохранились реликты клятвы с упоминанием солнца. Ср.: Ант иткэндә: Ана кояш! - тип кан әскәндәр. Когда давали клятву, произносили «Вон солнце! - и пили кровь. Кроме приведенного выражения, сохранились следующие клятвенные слова: *кояштыр!* - 'вот солнце', *кояш менән ант итәм* 'солнцем клянусь' и др [16].

В башкирских мифологических рассказах, легендах и преданиях сохранились названия солнца свидетельствующие о его божественном происхождении. Ср.: *Көн әйәһе* 'Дух, хозяин солнца', *Кояш тәңре* 'Божество солнца', *Кояш батшаһы* 'Царь' солнца, *Көн әйәләре* "Духи, хозяева дня (солнца) и др. [17].

О представлениях башкир, связанных с Божеством солнца, свидетельствуют и названия божьей коровки, зафиксированные в башкирских диалектах. Ср.: *Кояш апай*, досл. сестра (тетя) солнце; *Кояшкорт*, досл. солнечный червь; *Кояшымбак*, досл. смотрящий на солнце; *Сыуағапай*, досл. Солнце-тетя; *Әбей кояшы*, досл. бабушкино солнце; *Көнһылыткыс*, досл. греющий солнце и др. [18]. Божья коровка является одним из самых мифологизированных насекомых у башкир, как и у многих народов мира. Следует заметить, что божью коровку обычно в мифологии связывают с богом, его живностью. Так, например, в славянских языках зафиксированы следующие названия *божьей коровки*: *божья овечка*, *божий барашек*, *божий теленок* и др. [19].

В башкирском языке, кроме литературного *камка* зафиксированы следующие названия божьей коровки: *Алла бабай сыйыры*, досл. корова, деда Аллаха; *Алла пипейе*, досл. цыпленок Аллаха; *Алла бабай пипейе*, досл. цыпленок бабушки Аллаха и др. [20]. Изложенные факты подтверждают мысль о том, что *кояш/көн* 'солнце' у башкир имеет божественное происхождение. Следует добавить и то, что в отдельных легендах в отличие от эпоса «Урал-батыр» Солнце представлено как мужской персонаж. Например, по легенде «Племя тангаур», праматерью башкир-тангауров является девушка, зачавшая от солнечного луча [21]. Таким образом по этой этногенетической легенде, *Кояш* 'солнце' — мужчина, отец рода. Сюда лишь следует добавить, что мотив рожденного от луча солнца встречается в верованиях многих тюркоязычных народов [22].

Интересно отметить, что в именнике башкир с элементом *кояш* (*көн*) представлены как мужские так и женские имена. Ср. *Кояш Галикеев* (имя башкира начала XIX в.; *Кояшбикә* - женское имя из именника башкир XVIII в.; *Көнһылыу*, *Көнбакты* и др. – личные имена башкир XX в. и др. [23].

В башкирской народной культуре представлено множество запретов, благопожеланий, проклятий, связанных с солнцем. Так, например, по верованиям башкир, солнцу нельзя показывать грязь, различные нечистоты, непогребенных покойников, нельзя говорить «*Кояш сытты*» (досл. солнце вышло), *Кояш батты*» (досл. солнце утонуло). Если не выполнять эти запреты, солнце может обидеться, разгневаться и наслать проклятия. Например, если сказать «*Кояш сытты*», солнце может наслать такое проклятие: «*Узеңдең дә күзең сыкһын!* – Пусть и твои глаза вылезут! [24].

До сих пор у башкир сохранились обряды, связанные с затмением солнца. Например, при затмении солнца башкиры заставляют плакать детей, кричать животных, совершают обряд жертвоприношения, обращаются с молитвой к солнцу и т. д. Ср.: *Шөкөрәна*, *шөкөрәна*. Якты

донъяла йэшәгән өсөн, йылыткан өсөн рәхмәт, тазарткан өсөн рәхмәт [25]. – Господи, благодарю, благодарю за все, за все! За то, что живу на белом свете, за то, что ты согреваешь, очищаешь.

Солнце как божество предстает и в обряде вызывания солнца Аяз теләү. Суть обряда сводится к тому, что при затяжных дождях на горе или на другом возвышенном месте проводили обряд жертвоприношения Ак 'корбан белый курбан' и устраивали коллективные моления в честь солнца [26]. В целом, подводя итоги, можно сказать, что представления о солнце как божестве нашли отражение во всей народной культуре башкир. Сюда следует только добавить, что божество Kun tanrı 'бог — солнце' зафиксирован в памятниках древнетюркской письменности [27]. Из мифологий современных тюрков следует отметить наличие нескольких божеств солнца у чувашей (Божество солнца, Отец солнца, Мать солнца, Дети солнца [28]).

Вторым божеством, хорошо сохранившемся в башкирской народной культуре, является Ай 'луна, месяц'. Кроме эпоса Урал-батыр, в котором божество Ай зафиксировано как женщина, мать, жена, представления, связанные с лунной (месяцем), нашли отражение в легендах, сказках башкир. Так, например, в легендах, связанных с лунной девушкой — Ай жызы, Ай 'месяц' предстает в облике юноши, мужчины, забирающего к себе обиженную сироту и полюбившую его девушку. Ср.: Одна очень красивая башкирская девушка пошла лунным вечером за водой. Вечер был прекрасный, тихий месяц светил так ярко, что девушка залюбовалась его сиянием. «Какой славный этот месяц, - подумалось ей. - и, верно, добрый, так весело смотрит с неба, как будто улыбается!» Погруженная в такие думы, приблизилась к источнику, зачерпнула в ведра воды. Потом оглянулась и заметила на берегу торчащую из-под песка, омытую дождями кость, - должно быть богатырскую: кому же, как не могучему батыру могла принадлежать такая кость? «Какой могучий батыр был! - воскликнула она и, взглянув на месяц, невольно продолжала: - Если бы у меня был такой муж, как месяц, я непременно родила бы ему такого же статного богатыря». И месяц взял тогда девушку себе в жены. Вот и стоит она в небе с коромыслом и ведрами [29].

Довольно интересные представления, связанные с лунной (месяцем) нашли отражение в малых жанрах фольклора башкир. Так, например, судя по загадкам

Поле не мерено,
Скот не считан,
Пастух рогат

(звезды и месяц)

Пастух вечный
Пасет стадо овечье;
Овцы крылаты,
Пастух рогатый
(звезды и месяц),

Ай 'месяц' в представлениях башкир появляется в образе небесного пастуха, пасущего небесный скот (звезд).

В башкирской мифологии Ай 'луна, месяц' является объектом поклонения, культа. Об этом свидетельствуют обычаи, обряды, запреты башкир. Например, когда на небе появлялся молодой месяц, произносились благопожелания. Ср.:

Ай күрзем аман менэн
 Ауызым тулы иман менэн,
 Итәгем тулы бала менэн,
 Кәртәм тулы мал менэн,
 Ошо айза вафат булһам,
 Үткәр, Хозайым, иман менэн [30]. –
 Увидел луну в добром здравии,
 Мои уста и душа полны молитвами,
 Полон мой дом детьми,
 Полон мой хлев скотиной,
 Если в этом месяце суждено
 Мне покинуть этот мир,
 Прими меня, мой Худай, как верующего.

При этом башкиры подпрыгивали, повторяя три раза фразу: «Ай күрзем! Ай күрзем! Ай күрзем!» - Луну увидел, луну увидел, луну увидел.

Об особом отношении башкир к луне говорить наличие в их именнике множества имен с элементом ай 'луна, месяц'. Ср.: Айбулат, Айтуған, Айбикә, Айгиз, Айгөл, Айһылыу и др. Подобные имена свидетельствуют о том, что луна может оказывать покровительство людям с «лунными именами». В то же время «лунные имена» у башкир считаются тяжелыми, опасными для детей. Поэтому в случае смерти ребенка с «лунным именем» они до сих пор говорят: «Исеме ауыр булған, исемен күтәрә алмаған [31]. Имя оказалось тяжелым, не смог поднять (носить, вынести) такое имя. Все это свидетельствует о том, что покровительство луны может получить не каждый.

Очевидно, с обережной, покровительской функцией луны связано и наличие лунных этнонимов и онгонов у башкир. Например, одно из крупных родоплеменных объединений северо-восточных башкир носит название ай/эйле 'айлинцы'. Основной тамгой айлинцев также является ай-тамга [32].

Кроме айлинцев, ай-тамга встречается в родоплеменной атрибутике башкир-кубалаков, тияуцев, бишул-табынцев, а также у табынцев северо-западного Башкортостана и восточного Татарстана [33].

Луна является одним из самых мифологизированных небесных тел, поэтому у башкир существуют поверия, связанные и с фазами луны — Ай. Например, период новолуния у башкир считался благоприятным временем для замужества и женитьбы. Только на новую луну постригали первые волосы младенца, стригли ногти, начинали важные дела, веря в то, что вместе с лунной будет расти ребенок успех, благосостояние. Когда на небе появлялся молодой месяц, башкиры обращались к нему с мольбой о прощении грехов, оказании покровительства детям и молодым, только вступившим в брак – благословении новых начинаний и т. д. Ср.:

Увидел(а) я месяц — душе просветление,
 Увидел(а) я месяц глазами лучистыми,
 С полным двором лучистыми и хозяйским домом,
 Встретила с чистыми, светлыми мыслями,
 Встретила знанием, дареным верою.
 Сколько нам с месяцем жизни отмерено,
 Дать прожить с благословением.
 Луне — начало,
 Мне — жизнь! [34].

Существует множество запретов, связанных с убыванием Луны. Например, нельзя начинать в период убывания Луны новое дело, будет unsuccessful, стричь волосы — не будет расти и т. д. В конце последней фазы убывания луны «Ай өзөгөндә», в перерыве перед новолунием нельзя выходить замуж — брак будет несчастлив, нельзя резать скот — год не будет плодовитым и т. д. В основе этих поверий лежит вера в существование параллельной связи между концом луны и концом, убыванием в благосостоянии людей, отсутствие будущего. Аналогичная семантика усматривается в поверье, согласно которой в период убывания Луны необходимо изгонять болезни, неудачи, несчастья. В различных заклинаниях, нацеленных на изгнание злых духов, демонов болезней, несчастий, упоминается божество Луны. Это связано с тем, что Луна появляется в вечерне-ночное время, в конце дня-жизни и, если Солнце — день дарит жизнь, то Луна способна избавить от болезней. В период убывания луны заговаривают мозоли, бородавки: «Ай за кайткан, көн дә кайткан, һин дә кайт инде!» (И Луна ушла, и солнце ушло, ты тоже уходи!) В одном из вариантов заговаривания мозоли, бородавки ее показывают ночью луне приговаривая: «Кайза һинең тэтәйең? Бына минең тэтәйем!» — Где твоя игрушка? Вот моя игрушка!. Здесь демонстрируется вера в возможность общения с луной, желание заинтересовать, обмануть ее, чтобы она забрала болезни [35].

Со словом ай 'луна, месяц' в башкирском языке представлено множество фразеологических сочетаний. Ср.: ай башы 'новолуние', досл. голова луны; ай бите 'лик луны', досл. лицо луны; ай қолакланыу 'появление ореола вокруг луны', досл. появление ушей у луны; ай тотолоу 'лунное затмение', досл. 'глотание' луны, хватание луны; ай эрәһейеу (ирг.), 'затмение луны, досл. обида луны и др. Перечисленные и другие фразеологизмы со словом ай свидетельствуют об олицетворении луны у башкир.

В целом подводя итоги, можно сказать, что в башкирской мифологии Ай 'луна (месяц)' была одним из небесных божеств башкир. Об этом же свидетельствуют и названия персонажей типа Ай эйәһе 'дух луны', Ай хужаһы 'хозяин луны', Ай кызы 'лунная девушка', Ай күсты 'месяц — брат' и др., встречающиеся в легендах, мифологизированных рассказах, запретах башкир.

Сюда следует только добавить то, что в древнетюркской мифологии также было Божество луны - Aj tanri [36].

Как уже говорилось выше, божественными качествами в эпосах «Урал-батыр» и «Акбузат» характеризуется и дочь верховного Божества Самрауа и Солнца (кояш) златовласая девушка Хумай. Она изображается то в образе лебедя, то девушки. Хумай способна жить и на небе, и на земле. Она, как сотворенная из солнечных лучей, омытая матерью Солнцем водой из Живого родника, бессмертна [37]. После смерти Урал-батыра она возвращается на земли Урала лебедем в сопровождении животных и птиц, тем самым населяя родину своего мужа животными. В эпосе «Акбузат» Хумай предстает в облике большой птицы и помогает Хаубану победить царя подводного царства Шульгена. Таким образом, судя по эпосам «Урал-батыр» и «Акбузат», Хумай является одним из древних покровителей, божеств башкир. С именем Ђомай, Ђомай кош, кроме солнечной девы Ђомай 'Хумай', в башкирской мифологии представлена мифическая птица счастья, Хумай или Хумай куш. Судя по легендам, кому доведется увидеть эту птицу, тот станет счастливым, удачливым.

Птица Хумай присутствует и в сказках башкир. В них также говорится о том, что тот человек, на кого упадет тень птицы Хумай, будет счастливым и удачливым. В словарях башкирского языка также зафиксировано название живущей только на небе мифической птицы Хумай (Ђомай, Ђомайгош), тень которой делает счастливым, везучим, удачливым человека, на которого она упала. О происхождении персонажа и слова Ђомай у башкир существует несколько точек зрения. Согласно первой точке зрения, башкирский мифический персонаж Хумай восходит к мифической птице иранских народов Хума 'птица, предвещающая счастье; Хомаюн 'счастливым, августейший''. Данный персонаж, т. е. Птица счастья встречается в мифологиях народов Средней Азии, Сибири (Умай), Индии (Гаруда), арабских стран (Хумайя), славян (Гамаюн) [38]. Во всех мифологиях эта птица делает властителем человека, на которого упала ее тень, т. е. ей характерны божественные функции. Сюда же следует добавить и то, что в индуистской мифологии представлена добрая, мирная богиня Ума, являющаяся женой Шивы [39]. Таким образом можно предположить, что божество Хумай башкирской мифологии имеет связи с индо-иранской мифологией, тем более, что участие ираноязычных племен в этногенезе башкир принимается большинством башкироведов.

Вторая группа исследователей появление Божества Хумай в башкирской мифологии связывает с древнетюркской, точнее пратюркской мифологией. Как известно, божество Умай фиксируется в памятниках древнетюркской письменности. В них она выступает вторым по значимости после Тенгри божеством, приносящим счастье, удачу, одаривающим тюрков особой божественной силой. В отдельных памятниках богиня Умай выступает в качестве жены верховного Божества Тенгри, покровительницы тюркских каганов, воинов. В памятниках материальной культуры божество Умай обычно изображается с луком и стрелой [40]. Такие памятники, по-видимому, также являются доказательной базой покровительства божеством Умай воинов-тюрков.

Интересно отметить и то, что божество Умай представлено в мифологии современных тюрков Сибири. Однако функции Умай в них сужены. Она представлена в основном богиней-покровительницей детей и женщин. У отдельных тюрков, Сибири богиня Умай выступает защитницей рожениц. Не случайно слово умай в различных фонетических вариантах употребляется в качестве названий отрезанной пуповины, чрева матери, матки. Судя по материалам, богиня Умай у некоторых тюркских народов считалась богиней плодородия и

благополучия, покровительницей рода семьи. По представлениям алтайцев, богиня Умай также считается хранительницей очага, семейного благополучия [41].

В целом, подводя итоги, можно сказать, что функции богини Умай древних и современных тюрков, а также Хумай из башкирских кубаиров-эпосов близки. Кроме этого, как богиня Хумай, так и Умай выступают посредником между Верховным божеством неба и миром людей, животных.

Айхылыу, вторая дочь верховного Божества Самрауа, по-видимому, также относится к древним Божествам м башкир. Во-первых, она является дочерью двух божеств: Божества Луны — Ай и, как уже говорилось выше, Самрауа. Во-вторых, она как и ее сестра Хумай, может принять любой облик, но чаще предстает в облике прекрасной девушки (об этом говорит и ее имя-лунная красавица или луноподобная красавица) и птицы, как она сама говорит, «такой, что людям и не приснится, такой, каких на земле не бывает». Судя по словам самой Айхылыу, она предстает не простой, а божественной, небесной девушкой. Да, и девушкой Айхылыу в кубаире показана красоты необычайной, при этом особый упор делается на то, что она сияет так, что слепит глаза». Ср.:

Все красавицы как на подбор -
Сердце греют и тешат взор,
Можно голову, потерять!
Но даже среди таких одна.
Как среди звезд ночных луна,
Сияет так, что слепит глаза -
Взгляд оторвать от нее нельзя.
Тонко стан ее, взор глубок;
Родинка на ее щеке
Нежно темнеет, как цветок.
Айхылыу имя девушки той.
Не видел Шульген красавиц светлей...[42]

Приведенные строки свидетельствуют о том, что в эпосе подчеркивается светлость, яркость, звездность Айхылыу.

После возвращения из плена Айхылыу отправляют на Луну, при этом ее отец Самрауа говорит следующие слова:

От всех пережитых бед
Ее исцелит лишь матери свет.
Пусть она к матери Луне
Полетит и наш передаст привет [43].

Изложенные выше строки свидетельствуют, во-первых, о медиаторской роли Айхылыу: она связывает Самрауа с Луной, во-вторых, о тесной связи Айхылыу с Луной. С другой стороны Айхылыу, отправленная на небо к матери, предстает звездой, недоступной дивам. О том, что она может быть звездным божеством говорят и строки об Айхылыу, которая с неба стала падать как клочок огня. Ср.:

С неба что-то, огнем полыхает,
 Стало падать, плача, стеная...

 Клок огня, что с небес спускался,
 Девушкой Айхылыу оказался...

О тесной связи Айхылыу с Луной небом, свидетельствуют и строки кубаира-эпоса «Урал-батыр», посвященные Сакмару, сыну Шульгена и Айхылыу. В эпосе Айхылыу своему сыну Сакмару говорит:

«Знай: от Луны я рождена,
 Что озаряет ночную мглу.
 Мать любила очень меня;
 Когда я стала жертвой Шульгена,
 Потускнела она мгновенно,
 Вся печалью серой покрылась,
 Темной думою замутилась;
 Каждый день ее меркнет взор,
 Слабнут лучи, что видят позор...[44]

Подводя итоги, можно сказать, что девушка-птица Айхылыу, как и ее сестра Хумай, имеет божественное происхождение. Возможно, она является божеством – звездой, живущей рядом с луной, т. е. башкирской Венерой, близкой к общетюркской Сулпан.

Интересно отметить, что в верхнем мире, кроме Самрауа, его жен и дочерей, живут и небесные кони Акбузат, который принадлежит солнечной деве Хумай, и Харысай, рыжий конь лунной девушки — Айхылыу. Обе сестры гордятся своими конями и хотят их подарить своим суженым в качестве приданого. Вот как говорит об этом Айхылыу:

Мой отец — падишах
 А Луна — мне небесная мать.
 Чтоб нареченному подарить
 Есть у меня рыжий конь — Харысай:
 Воды захочешь — к ней путь найдет,
 В бой с тобою, как друг, пойдет [45].

Старшая из дочерей Самрауа — Хумай также хочет подарить полученного от матери Кояш коня Акбузата своему нареченному. Ср.:

Батыров моих наперечет
 Знаешь ты — им узду не давал,
 Достойными себя не считал;
 Ну а сам для меня батыра
 Тоже искать по свету не стал.
 Вот два батыра, что здесь сошлись,
 Прихода твоею заждались.
 Сочтешь ли своим того, кто пригож,

По богатству ли изберешь,
Только один в твоей судьбе
Станет избранником, другом тебе,
Так же, как нареченным мне [46].

Кони Акбузат и Харысай, живущие в верхнем мире и подаренные Солнцем и Луной своим дочерям, также обладают божественными качествами. Во-первых, они могут разговаривать, во-вторых, сами выбирают батыров и избранников своим хозяевам, в-третьих, конь Акбузат является опорой, помощником батыра, в четвертых, Акбузат «лошадиный род единил, во главе табунов сам шел, всех затем он сюда привел». Таким образом небесные кони Акбузат и Харысай в эпосе предстают Божествами, помощниками небожителей, покровителями лошадей и других животных.

Божественные качества коня Акбузата нашли отражение и в кубаире-эпосе «Акбузат». В данном эпосе богатырский конь Акбузат живет на дне озера. Его, коня покойного Урал-батыра, туда спрятал царь подводного мира Шульген [47]. Конь Акбузат в одноименном эпосе, во-первых, умеет говорить, во-вторых, он умен, дает советы, помогает герою в его делах, в целом покровительствует.

В целом, подводя итоги можно сказать, что верхний мир в башкирской мифологии населен Божествами неба Самрау, который в отдельных легендах назван Тэңре, Күк тэңре, Хозай; солнца Кояш (Көн), луны (месяца) Ай, девушками-птицами Хумай и Айхылыу, небесными конями Акбузат и Харысай.

Литература

1. Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ИБН-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. Статьи, переводы и комментарии. Харьков, 1956. С. 131.
2. Там же. С. 131.
3. Урал батыр. Башкорт халык тобайыры = Урал-батыр. Башкирский народный эпос = Ural-batur Bashort Folk Epic // Ф.А. Надршина. 2 изд. Уфа, 2005. С. 213-214.
4. Там же. С. 214.
5. Там же. С. 286.
6. Башкорт халык ижады. Далее БХИ. Әкиәттәр. Кн.3, Өфө, 1978, 143-151; 100-104 бб.
7. БХИ. Әкиәттәр. Кн. 2, Өфө, 1976, 297-300 бб.
8. Кондыбай С. Казахская мифология. Краткий словарь. Алматы, 2005. С. 201-202.
9. Мифы народов мира. Далее МНМ. В 2 кн. Кн. 2. С. 436-437; 424-425; 537.
10. Symbolarium. ru / index. php /Симург.
11. Урал батыр... С. 163.
12. Symbolarium. ru / index. php / Каракус; Урманче Ф. Татар мифологиясе. Энциклопедик сүзлек. 3 томда. II Т., Казан, 2009, 132-133 бб.
13. Экспедиция материалдары — 2006: Бөрәй районы. Өфө, 2008. С. 66.
14. Лоссиевский М.В. Башкирская легенда о месяце // Оренбургский листок. Оренбург. 1878. № 36.
15. Языковой материал статьи, включая фразеологизмы, извлечен из словаря «Академический словарь башкирского языка // Хисамитдинова Ф.Г. В 10 т. I-II тт. – Уфа, 2011; III-IV тт. Уфа, – 2012;

V т. – Уфа, 2013; VI т. Уфа, 2014; VII-X тт. - в рукописи.

16. Хисамитдинова Ф.Г. Мифологический словарь башкирского языка. М. 2010. С. 197.
17. БХИ. Йола фольклоры. I т. Өфө, 1995, 560 б.; Хисамитдинова Ф.Г. Мифологический словарь башкирского языка. М., 2010. С. 195-196.
18. Там же. С. 195-196, С. 151, 369, 273.
19. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. А-Я. Изд. 2-е, М. 2002. С. 50.
20. Хисамитдинова Ф.Г. Указ. раб. С. 23-24.
21. Башкирское народное творчество. Далее БНТ. В 18 т. Т. 2. Предания и легенды. Уфа, 1987. С. 122.
22. МНМ. Кн. 2. С. 461-462.
23. Хисамитдинова Ф.Г. Башкирская ойконимия XVI-XIX вв. Уфа, 1991. С. 84; Кусимова Т.Х., Бикколова С.Ә. Башкорт исемдәре. Өфө, 2010. 232 б.
24. Хисамитдинова Ф.Г. Словарь башкирской мифологии. В 3 кн. Кн. 2. Уфа, С. 124.
25. Там же. С. 126.
26. Хисамитдинова Ф.Г. Мифологический словарь... С. 16.
27. Древнетюркский словарь // Наделяев В.М. и др. Л., 1969. С. 326.
28. МНМ. Кн.2. С. 538.
29. Лосиевский М.В. Указ. раб. № 36.
30. Хисамитдинова Ф.Г. Башкорт мифологияһы. Белешмә — һүзлек. Өфө, 2002. б б.
31. Хисамитдинова Ф.Г. Словарь башкирской мифологии. Кн. 1. С. 33.
32. Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. М. 1974. С. 194-219. С. 290-292.
33. Там же. С. 246-287; 295-298.
34. БНТ. Обрядовый фольклор. В 12 т. Т. 12. Уфа, 2010. С. 159.
35. Хадыева Р.Н. Башкирская этнокультура и язык. Опыт воссоздания языковой картины мира. М., 2005. С. 54-56.
36. Древнетюркский словарь. С. 24.
37. Урал батыр. С. 214.
38. МНМ. Кн. 2. С. 546; МНМ. Кн. 1. С. 266-267.
39. МНМ. Кн. 2. С. 643.
40. МНМ. Кн. 2. С. 537-540.
41. МНМ. Кн. 2. С. 547.
42. Урал батыр. С. 258.
43. Там же. С. 279.
44. Там же. С. 310.
45. Там же. С. 275 – 276
46. Там же. С. 290.
47. Башкорт халыҡ ҡобайыр-иртәктәре // Нәзершина Ф. Өфө, 2010. 76 б.

Düzenleyen: Süer Eker